

От юношей исходил неизвестно какой аромат, явно тот же самый, что и от тех девушек ранее, но на запах настигало беспокойство и смятение. Ощущение от их юных, гибких, но при этом крепких тел также совершенно отличалось от женского, к тому же они были одеты в легкие наряды, а их белоснежные шеи и плечи, выглядывающие из-под яркой одежды, вызывали некое неопишное чувство.

Дань Чао поспешно отвел взгляд и сказал.

— От них... запах слишком удушливый.

Мальчик робко произнес.

— Если... если этому братцу не нравится, мы можем переодеться и вернуться?

Но Дань Чао, словно внезапно спровоцированный хищный зверь, резко сказал.

— Не нужно возвращаться!

В комнате воцарилась полная неловкость, спустя некоторое время Се Юнь наконец усмехнулся с нечитаеой интонацией.

— Уходите.

Только тогда юноши, несколько обиженные, склонились в поклоне и отступили, так же, как и вошли, один за другим вышли и тихо прикрыли дверь.

Легкий стук закрывшейся двери — и в ложе снова остались только они двое.

Дань Чао пристально смотрел на тонкую текстуру края грушевого стола, молчал, тело напряжено, как камень.

Если приглядеться, можно было заметить, что под черной одеждой очертания его плеч и рук показывали напряженные мышцы и кости — в этой холодной твердости также таилась некая жесткость, словно стоило поднести искру, и она неудержимо вспыхнет.

— Благовония в Тереме Чэньсинь одинаковые, — неспешно произнес Се Юнь. — Никакой разницы между девушками и мальчиками-прислужниками.

— Когда красавица-фаворитка, способная покорить города, прислонилась к тебе, ты сохранял спокойствие и стойкость, оставаясь невозмутимым. А когда несколько мальчиков окружили тебя — они же не злые духи и не свирепые звери — ты сразу же потерпел поражение?

Дань Чао молчал. Се Юнь, приподняв бровь, оглядел его и медленно, с насмешкой сказал.

— Монах, вид у тебя сейчас действительно очень жалкий...

Он был прав, и Дань Чао в душе тоже понимал, насколько он жалок, а в этой жалкости была еще и тень невероятного страха.

Потому что он действительно смутно почувствовал нечто, нечто такое, что с одной стороны вызывало инстинктивную тошноту и отвращение, а с другой — заставляло постоянно вспоминать и даже хотеть попробовать.

И это, оказывается, не имело никакого отношения ни к чарующей гладкой коже Цзиньсинь, ни

к нежному взгляду фаворитки, а исходило от нескольких мальчиков, чей пол было трудно определить.

Рука Дань Чао на столе крепко сжала край, костяшки пальцев выступали буграми. Спустя мгновение он закрыл глаза.

— Хватит.

Перед ним послышался легкий шелест одежды: Се Юнь поднялся, подошел к нему, присел на корточки и с близкого расстояния, сверху вниз, уставился на него.

— Знаешь, как умер лишенный престола наследный принц покойного императора?

Дань Чао открыл глаза и увидел необычайно красивое лицо Се Юня всего в полуфуте от себя. На таком расстоянии он мог разглядеть даже длинные густые ресницы на его глазах.

Брови Се Юня от природы были как ивовые лезвия — аккуратные, длинные, идеальной густоты. Форма глаз была очень острой, кончики век слегка приподняты, длинными дугами уходя к вискам. Если бы у женщины были такие глаза, она, наверное, выглядела бы очень соблазнительно, когда улыбалась. Но именно на его лице один взгляд, одно движение обладали холодной, завораживающей душу притягательностью.

Глядя в эти глаза, Дань Чао почувствовал, как что-то внутри него сильно ударило, вызвав невыразимую боль и оцепенение.

Но прежде чем он успел понять, что это за чувство, Се Юнь холодно произнес.

— После смерти Чэньсиня Ли Чэнцянцэ построил комнату с его изображением, возвел могильный холм в саду, утром и вечером приносил жертвы, плакал и роптал. Позже, недовольный, он вместе с Чжао Цзе, Ду Хэ, Хоу Цзюньцзи и другими поднял мятеж. После провала его сослали в Цяньчжоу. На следующую зиму покойный император отправил тогдашнего главу Скрытых врат Инь Кайяна тайно выехать из столицы, преодолеть тысячу ли до Цяньчжоу и задушить его веревкой на земляном склоне.

Се Юнь сделал паузу и спросил.

— Знаешь, почему я так хорошо это знаю?

Внутри Дань Чао словно бы звучал суровый голос, приказывающий ему откинуться назад, но тело не двигалось, застыв на месте, и он лишь смотрел, как в полуфуте от него шевелятся губы Се Юня.

Спустя долгое время он с трудом пошевелил шеей и покачал головой.

— Потому что, когда Ли Чэнцянцэ душили, я был рядом, — сказал Се Юнь.

Наконец он выпрямился и с легкой насмешкой посмотрел на Дань Чао.

— Даже такой высокий статус, как наследный принц, если запятнан любовью к мужчинам, в итоге может привести лишь к смерти в глуши. Если думаешь, что твоя судьба крепче, чем у наследного принца, — попробуй. Только попробуй, вернувшись в Мобэй, ни в коем случае не в Чанъане, чтобы не опозориться и не погибнуть, а в конце еще и не втянуть в это все мое ведомство императорской гвардии.

Дань Чао долго молчал, прежде чем хрипло произнес.

— У меня нет... склонности к мужчинам.

Се Юнь усмехнулся.

— Запомни свои сегодняшние слова.

Он развернулся и большими шагами вышел из ложи. Только когда его фигура исчезла в коридоре за многослойными занавесями, Дань Чао наконец выдохнул, и все напряженные мышцы мгновенно расслабились.

Только сейчас он понял, что его спина промокла от холодного пота, одежда насквозь пропиталась.

Когда они покидали Терем Чэньсинь и возвращались в усадьбу, уже была глубокая ночь. Даже на оживленной улице Чанпин почти не осталось прохожих, лишь рядами стояли здания публичных домов, алые фонари, нежные соблазнительные звуки доносились из окон по обеим сторонам улицы, смешиваясь с легким хмелем холодных остатков еды и вина в ночном ветре.

Дань Чао сидел в карете и смотрел, как Се Юнь с закрытыми глазами притворяется спящим, словно совершенно не реагируя на окружающее.

Он сидел очень прямо, руки естественно лежали на коленях, широкие парчовые рукава, словно струящаяся вода, ниспадали слоями по бокам. Парча была плотной и тонкой, и, возможно, поэтому особенно впитывала запахи. Даже хотя в карете курился легкий успокаивающий аромат, он не мог перебить более густой, сладкий и приторный аромат, исходящий от рукавов и ворота одежды.

Дань Чао знал, что это за запах — после выхода из ложи Се Юнь отправился в будуар фаворитки.

Оказалось, хозяин музыкального квартала, увидев, что они никого не оставили на ночь, в страхе и трепете пришел извиняться, спрашивая, не плохо ли их обслужили девушки и мальчики-прислужники. В таких высших заведениях для увеселений, как Терем Чэньсинь, куда стекаются высокопоставленные чиновники и богатые купцы, если фаворитку выгоняют в середине приема гостей, это очень позорно, и если слухи разойдутся, это может даже повлиять на «цену» этой фаворитки. Се Юнь не стал портить репутацию Терема Чэньсинь, пошел отдельно послушать, как фаворитка играет на цине мелодию «Осенняя луна над дворцом Хань», и только потом велел подать карету и уехал.

Что же касалось того, что он делал в то время — только ли слушал мелодию или же занимался какими-то другими скрытыми делами, — никто не знал. Судя по продолжительности, вероятность была невелика, но на этот раз Се Юнь дал необычайно щедрые чаевые, настолько щедрые, что фаворитка даже забыла о расстройстве из-за того, что ее выгнали в середине приема, и с сияющим и застенчивым лицом проводила их до самых ворот.

Дань Чао задержал дыхание, но сладкий аромат, исходивший от одежды того человека напротив, проникал через каждую пору его тела в кровь, подобно хвосту духа-змеи, просачиваясь повсюду и покачиваясь на самой чувствительной и тонкой его струне.

На одежде мальчиков-прислужников был тот же запах?

Если приблизиться и принюхать внимательнее, будет ли какая-то разница?

И даже — можно ли будет различить запах самой кожи Се Юня?

Дань Чао чувствовал беспокойство и смятение, беспокойно пошевелил бедрами. Он чувствовал, как вся кровь в его теле слегка нагревается, течет и бурлит в конечностях и во всем теле. Хотя разум изо всех сил старался не думать об этом, он все равно не мог сдержать ее стремительный поток по сосудам вниз, собираясь в одном еще более несказанном месте.

Подсознательно возникавшее чувство стыда и вины переплеталось с импульсом, чего было достаточно, чтобы молодой, неопытный, но чрезвычайно сильный мужчина не мог себя контролировать.

Он заставлял себя вспоминать сияющую под лунным светом кожу Цзиньсинь и благоухающие черные волосы фаворитки. Однако все соблазнительные картины мерцали и расплывались, постепенно превращаясь в будуар Терема Чэньсинь, полог кровати, фигуру мужчины, снимающего одежду при свете свечей.

Его спина была гладкой, как яшма, линия от выступающих лопаток сужалась книзу, глубокая впадина поясницы терялась в еще более глубоких двусмысленных тенях.

Как орхидея и яшмовое дерево, красавица, словно картина.

Это был Се Юнь.

Дань Чао сжал под одеждой руку в кулак, ногти глубоко впились в ладонь, и лишь спустя долгое время проступила тонкая струйка крови, исчезнув в темноте между пальцами.

В ту ночь, когда карета въехала в усадьбу, Се Юнь, не дожидаясь, пока его встретят, первым вышел из экипажа, внезапно обернулся и оценивающе бросил взгляд на Дань Чао.

Дань Чао знал, что темнота и складки одежды не позволят обнаружить никаких его отклонений. Он твердо остановился, и под взглядом Се Юня выглядел как угловатая, темная каменная статуя.

— Завтра утром начни собирать вещи, пусть Цзиньсинь поможет тебе подготовить зимнюю поклажу, — наконец произнес Се Юнь. — Через три дня священный экипаж отправится в восточный инспекционный тур, я возглавлю шестьсот гвардейцев Северного ведомства для охраны, и ты среди них.

<http://bllate.org/book/15578/1387242>